

Миф как натуральный обмен, или назад от черного квадрата к квадратуре круга

Меньшикова Е. Р.

кандидат культурологии

Новый Институт Культурологии

(Москва, Россия)

Совершая свое путешествие верхом на осле, сидя задом наперед, культура настойчиво десакрализирует Миф, приводя к торможению «человеческого» в человеке, расподобляя и сея зерна стагнации, поскольку давно уже изменила свой первоначальный вектор: увеселение и удовольствие затмили поиски смысла существования. Чтобы прояснить этот тезис мне понадобятся три «фигуры высшего пилотажа»: миф о Троянской войне, миф о Протее и «Прокрустово ложе». И также три проводника, три вергилия по миру безумия – Бодрияр, Фрейденоберг, Лосев. И да, Гераклит – без Верховного жреца – из тупика не выйти.

Стоит ли верить аксиоме «Вначале было Слово»? Быть может: в начале был Бог или Нечто, приводящее в Ужас и Умиление, и чрез Умозрение ведущее вновь - к Ужасу? Насколько правомерно убирать, изгоняя злыми камнями насмешек, сомнение и первичную систему образов, лишая правильности (изначальной, архетипичной) представлений, иначе – прямой осанки и твердой поступи – природной данности человека как социального объекта.

Но если мы будем придерживаться положения, что «Миф – это вторичная система образов, семиологическая система», то стоит признать, что Миф ткется нами постоянно, по-разному, и, вместе с тем, мир/бытие также сочиняется всегда и постоянно, тем самым мы признаем и принимаем нестабильность самого мира - и значит, понимаем, что мир/бытие – «наше все» - предстает не холодной голограммой, а довольно хлесткой диссипативной системой, живущей и дышащей бифуркациями, проецирующей провокации и трения-горения, пребывающей в состоянии «вечного воплощения», то есть постоянного рождения.

Однако для человеческой экзистенции жизнь подобна вспыхнувшей спичке: не успев родиться и осознать себя и мир, пребывающий в вечном движении-рождении, человек не успевает встать на ноги и, укрепившись и окрепнув, создать нечто, что привело бы мир к «остановке сердцем», то есть становлению, за которым следовало бы не перерождение, а последующее развитие, что вело бы мир не к смерти, а взрослению – иному срезу и витку существования. Дискретное мышление, на которой строится всякая «знаковая система», приучает поддерживать сознание в состоянии «инфанти», склонной не к поиску решений, но наблюдения, слежения-скольжения, которой не важен момент «остранения», что целиком в анализ погружен и им обусловлен, ведущий к сомнению и собиранию тез/антитез для анамнеза тела иль дела, но любопытен сам процесс просматривания картинок – ложных, выдуманных, ярких – тот самый процесс, приводящий к синдрому «слепого очевидца», что воспринимает мир зевком, что видит Моську и конфликт, но не Слона.

И если оставаться в объятиях только вторичной, семиологической, системы, буквально препарировав собой – без ремы, оперируя знаком как скальпелем, то восприятие не внемлет голосу здравого смысла, теряет все ариадновы нити для понимания артефактов как феноменов культуры, а значит, культурологическая азбука будет опять не усвоена и мир снова окажется «второгодником за партой истории» (Н.Замятин). Так, восприятие картины П.Филонова «Симфония Шостаковича» может споткнуться на злодеяниях Синеи Бороды, тогда как дата написания – 1927 – знаменует о времени становления

тоталитаризма в России, это год издания первого русского экзистенциального романа – «Зависть» Ю.Олеши, и год написания А.Платоновым «Чевруга» - трагикомедии абсолютно абсурдной человеческой жизни, романа о существовании в тотальном небытии.

Разбегание восприятия и понимания, что всегда чревато когнитивным диссонансом, стало фактом – очевидным и досадным – «падением Берлинской стены», случившимся благодаря «повальному сумасшествию» (И.Бунин) и повлекшим за собой реку заблуждений и иллюзий, возможным и состоявшимся благодаря, а не вопреки, стратегии постмодерна, который вел себя в XX веке как «черные охотники» Видаль-Накэ – насилием и провокацией вытесняя мир прежний, достигший классической парадигмы как осевого экватора.

И если за каждым образом Мифа (первичной системы) стоит система ценностей (модусов поведения), а за образом Мифологий – только значки и метки, то Символ, который может иметь сколько угодно значений, отсылок, аллюзий (а значит, трактовок), воцарившись в сознании, оперируя ими как отмычками, и, слыша только вуайериста зов, предвкушая разъятие смысла явления или предмета как раздевание, начинает дискредитировать Образ, как обветшалый дом, по-пиратски, нагло и резко – черным приступом, и, тем самым, выключая картину мира: рушит стены, ломает печь и пр. – оставляет остов углем, предлагая жить-бытовать в новых реалиях-второ-смыслах. Так совершается «символический обмен» - революционным коловоротом – симфония представлений, впитанная Образом, рушится в миг бурей и натиском смелых портняжек.

Миф вторичной системы носит субъективный характер, тогда как Миф первичной – образной – коллегиялен, и оттого он - конгениален – в нем диалог и полемика, он отражает и выражает двойственное сознание древнего человека: индийца, ахейца, ассирийца и пр., он полярен, глубок и многомыслен. ... А пока, протекание нашей жизни настоятельно рекомендует от пустой метки (надуманной, концептуальной) вернуться к сложности представлений и Гераклитовой логике: «Все течет, все изменяется и нельзя войти дважды в одну и ту же реку не изменившись...»...